
На правах рукописи

Линцова Наталья Ивановна

**МОТИВ СТРАСТВИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ДИСКУРСЕ М.М. ПРИШВИНА**

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Елец – 2012

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

- Научный руководитель** доктор филологических наук, профессор
Борисова Наталья Валерьевна
- Официальные оппоненты:** **Дудина Татьяна Павловна**
доктор филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы и теоретического литературоведения, декан факультета журналистики ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».
- Ковыршина Ольга Александровна**
кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет».
- Ведущая организация:** ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Защита диссертации состоится «15» мая 2012 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.059.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе библиотеки Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. 300.

Автореферат разослан «12» апреля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. А. Дякина

20124

11274

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С.-Петербург

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

09 200/1451

Современное пришевиеведение обнаружило немало перспективных подходов к изучению творческого наследия писателя. Исследование феномена М.М.Пришвина находится в фокусе научных интересов не только литературоведов, но и философов, этнографов, лингвистов, культурологов, что объясняется особенностями творческого пути писателя, в котором отразилась трагическая эпоха в истории России, её культуры и цивилизации.

В конце XX – начале XXI вв. значительно расширился круг исследователей, которые акцентировали внимание на вопросах поэтики, жанра, стилистики, образно-композиционной структуры пришевиевских произведений. Весьма актуальным стало изучение творчества Пришвина в контексте русской литературы начала XX века (Н.Дворцова), в контексте христианской культуры (Г.Климова), философии природы (Т.Гринфельд, Р.Соколова). В центре внимания современного пришевиеведения – художественная мифология Пришвина (Г.Гачев, В.Кожин, Н.Борисова, Н.Иванов, А.Дырдин), содержание и структура художественного мышления Пришвина (З.Холодова), философские основы пришевиевского дискурса (В.Агеносов, А.Подоксен, А.Дырдин, С.Семенова, Е.Яблоков, О.Ковыршина).

Самые разные аспекты художественного мирозобра Пришвина нашли отражение в работах А.Варламова, Ф.Апановича, Э.Бальбурова, Л.Тагильцевой, Т.Давыдовой, О.Машкиной, И.Минераловой, П.Гончарова, И.Новоселовой, Ю.Ольховской, Т.Степановой, Г.Токаревой, Ю.Мохнаткиной, М.Шемякиной, О.Крамарь, П.Гончарова, А.Колядиной, Г.Охотниковой и др.

Немало интересных материалов имеется в работах краеведческого цикла (С.Краснова, Т.Краснова, Г.Климова, С.Сионова, В.Горлов, Н.Чистякова, Л.Каланиникова, Л.Паутова и др.).

В последние два десятилетия научный интерес обращен к дневниковому наследию писателя. Дневники Пришвина – это не только «творческая лаборатория», где немало «заготовок», фрагментов, черновиков произведений, без которых невозможно понять тайну писателя. В дневниках представлена не просто российская история и культура первой половины XX века, но то, что можно назвать историко-культурной повседневностью в событиях, лицах, фактах, политических подробностях. К настоящему времени накоплен солидный объем работ, где анализируются дневниковые книги разных лет (А.Варламов, А.Колядина, Я.Гришина, Л.Рязанова, К.Гордович, М.Шемякина, И.Новоселова и др.).

Вместе с тем утверждать, что творческое наследие Пришвина изучено полно и всесторонне, преждевременно. В частности, малоисследованной представляется проблема мотивной организации большинства «фабульных» произведений. За пределами научного интереса оказались «сквозные» мотивы, функционирующие на разных уровнях художественного пространства. К числу таких, весьма значимых устойчивых структур

но-семантических повествовательных единиц, переходящих из произведения в произведение, относится мотив странствий, обладающий глубинной историко-культурной характеристикой. Имеются лишь некоторые, небольшие по объему работы, в которых рассматриваются вопросы, связанные с жанром путешествия пришевской прозы, а также с мотивом странствий (Н.Дворцова, М.Гурьев).

Наше исследование направлено на анализ указанного мотива, который не получил научного осмысления в пришевиноведении.

Актуальность нашей работы обусловлена необходимостью выявления и атрибуции концептуально-смысловых констант мотива странствий во всей совокупности его содержательных и функциональных признаков.

Объектом диссертационного исследования стали прозаические произведения различных жанров и дневниковые книги М.Пришвина.

Предмет исследования состоит в выявлении структурно-семантического, функционального своеобразия и способов воплощения мотива странствий в художественной системе писателя.

Материал диссертационной работы: произведения дореволюционного и советского периода: «За волшебным колобком», «Черный араб», «Кашеева цепь». По мере необходимости привлекались дневниковые книги разных лет.

Цель работы заключается в системно-целостном рассмотрении мотива странствий в его функционально-семантической парадигме.

Для достижения указанной цели необходимо решение следующих задач:

- исследовать особенности функционирования мотива странствий в историко-культурном контексте;
- определить специфику вариативности данного мотива в художественном дискурсе Пришвина;
- проследить эволюцию исследуемого мотива в качестве сверхуровневой единицы текста;
- выявить связи функционирования мотива странствий с важнейшими архетипами национального сознания;
- прояснить способы его реализации в формате пространственно-временных отношений.

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы С.Аверинцева, М.Бахтина, Н.Бердяева, С.Булгакова, А.Веселовского, Б.Гаспарова, А.Жолковского, Ю.Лотмана, Е. Мелетинского, А.Панарина, Ф.Степуна, В.Топорова, В.Тюпы, Б.Успенского, Г.Флоровского.

Мы обращались также к трудам пришевиноведов Н.Борисовой, Т.Гринфельд, Н.Дворцовой, Н.Иванова, Г.Климовой, А.Подоксенова, Л.Тагильцевой, Э.Холодовой.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Мотив странствий является универсальным культурным кодом, моделирующим пространственно-временной континуум бытия, его аксиологическое и онтологическое измерение.

2. Мотив странствий в пришвинском дискурсе выступает как инвариантный функционально-семантический конструкт, имеющий множество различных вариаций.

3. Функционируя на различных уровнях художественной структуры, он приобретает интегративное значение, создавая единое «экзотрическое» пространство автора и его героев.

4. В прозе Пришвина актуализированы хронотопические символы, в том числе и архетипические, рождающие представление об онтологической целостности окружающего мира.

5. Мотив странствий семантически многомерен; в художественной стратегии Пришвина он имеет непосредственное отношение к таким национальным архетипам, как глубокая вера в Божественный промысел, поиски духовной свободы, сакральных мест, стремление к истине и др.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые представлено системно-целостное исследование мотива странствий в его семантико-функциональном формате и в соотносительности с авторским мировосприятием.

Исследуемый мотив позиционируется в качестве концептуального конструкта, актуализированного на всех уровнях художественной системы.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении основных структурно-семантических констант в мотивной структуре художественного пространства пришвинского дискурса. Диссертация вносит вклад в разработку современных проблем пришвиноведения, обращенных к пониманию ценностных смыслов авторского мирообраза.

Практическая значимость: результаты исследования можно использовать при подготовке вузовских лекционных курсов по истории литературы первой половины XX века, спецкурсов и спецсеминаров по творчеству М.Пришвина.

Апробация работы: основные положения исследования отражены в 12 публикациях (в том числе 2 статьи опубликованы в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ), а также в докладах на внутривузовских научно-практических конференциях Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (2010, 2011, 2012), и в Школе молодых ученых по гуманитарным наукам ЕГУ им И.А. Бунина (2010, 2011), а также на областных, всероссийских и международных конференциях: «Михаил Пришвин: диалоги с эпохой» (Елец, 2008), «Миф – Фольклор – Литература» (Караганда, 2009), «И.А. Бунин и русский мир» (Елец, 2009), «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, 2010), «Наука. Развитие. Прогресс» (Киев, 2011), «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия» (Орел, 2011), «Роль историко-

культурного наследия в развитии гуманитарных исследований в регионе» (Липецк, 2011).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, включающего 204 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и научная новизна темы диссертации, определяется степень её изученности в литературоведении, формируется цель и задача исследования, его теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации – «Мотив странствий в историко-культурном контексте» - исследуется эволюция «ожизни» указанного мотива в хронологическом измерении.

В первом параграфе – «Мотив странствий в хронологической парадигме архаического сознания» - рассматриваются конститутивные признаки хронотопа с учетом работ М.Бахтина, Д.Лихачева, Ю.Лотмана, В.Топорова и других авторов. Отмечается, что путь, дорога являются многофункциональными пространственными ориентирами в системе мифолого-архаических представлений. Архаическое сознание структурирует пространство странствий мифических героев в координатах древнейших архетипических знаков, указывающих как на вертикальный, так и на горизонтальный характер передвижения.

В мифолого-сказочном дискурсе в путешествиях героев реализуется «хронотоп чудесного мира», в котором время-пространство ведет себя самым причудливым образом: время может не только растягиваться или сжиматься, но становится пространственноподобным. На пути испытаний, герой может приобретать магические силы, чудесных помощников, с ним могут совершаться различные метаморфозы. Путь-дорога сказочных героев являет собой «цепь потерь», бед, ошибок, падений, а также находок, приобретений, судьбоносных встреч, роковых совпадений. Странствия весьма актуальны в фольклорном дискурсе. Фольклорные герои проходят испытания, которыми наполнены их пути-дороги, а выбор дороги, как известно, это еще и выбор жизненного пути, особой траектории судьбы «фольклорного человека».

Второй параграф - «Феномен странничества в библейском дискурсе и средневековой богословской литературе» - направлен на рассмотрение эволюции концепта «странствие» в религиозном нарративе, в котором постулируется «мировая инициация человечества», свидетельствующая о стремлении человека приблизиться к своему Творцу. В ветхозаветном повествовании концепт странствия выполняет инвариантную функцию. Прежде всего, это сороколетний путь иудеев под предводительством Моисея. Это путь скитаний по пустыне в поисках «земли обетованной», путь чудес и испытаний, путь грехов и раскаяния, многочисленных падений и восхождений.

В Новом завете, в четырех Евангелиях, рассказывается о земном пути Спасителя. Новозаветное повествование исполнено напряженного, промыслительного движения. Образ Спасителя символизирует путь к свободе и свету. Через сакральное пространство новозаветного рассказа проходит множество путей, но только один – путь Господа и его верных учеников – оказывается трагическим и спасительным.

Характерно, что в русском национальном сознании, в частности, в фольклоре, земной путь Иисуса Христа рассматривается как странничество, а в народной мифологии и сам Спаситель – странник.

В апокрифическом повествовании рассказывается и о «хождении Богородицы по мукам». Имеется апокриф «Хождение Богородицы по мукам» или «Апокалипсис Пресвятой Богородицы», пронизанный эсхатологической символикой. В христианской легенде позднего Средневековья описывается скитальчество Агасфера – «Вечного жида», который обречен вечно скитаться, из века в век. Агасфер не может обрести покоя по причине безжалостного отказа Иисусу Христу, изнемогавшему под бременем креста на пути к Голгофе. Поэтому он обречен на вечное скитальчество вплоть до второго пришествия Христа.

В третьем параграфе – «Мотив странствий в литературном дискурсе» – исследуемый мотив мы рассматриваем в широком историко-литературном контексте, начиная со средневекового периода, в котором отмечается религиозно-философское, аксиологическое измерение «человека странствующего». Мотив странствий здесь генетически связан с мотивом поисков, скитальчества, блуждания («Божественная комедия» Данте). Констатируется, что странствие особенно актуально в русской литературе.

Странствия героев характерны для творчества А.С. Пушкина, у которого они «связаны с темой пророчества и изгнанничества». Классическим образцом литературы путешествий в XIX веке является «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина, в котором отражается реально-историческое время и реальные локусы Кавказа.

В творческом наследии М.Ю. Лермонтова мотив странствий приобретает инвариантный характер. Своеобразное воплощение указанного мотива обнаруживается в «Герое нашего времени». Печорин, «странствующий офицер», живет в художественном пространстве произведения в качестве рефлексировующего скитальца, везде оказываясь «проездом» или «по приказу», «по казенной надобности».

В организации сюжета поэмы Гоголя «Мертвые души» мотив странствий главного героя приобретает смыслообразующую функцию. Хронотоп жизненного пути Чичикова выступает в качестве композиционного стержня. Канва путешествий героя, отмеченная авантюрной семантикой, трансформируется в многофункциональную дорогу по Руси: перед нами разворачивается дорога русской судьбы, реальная и одновременно метафизическая, лишь чаемая автором.

Герои Тургенева, Лескова проходят свой путь по-разному; чаще всего такая дорога предполагает не просто «возвратное движение, но движе-

ние кольцевое по нарастающей ... к идеалу ...». Феномен странничества связан с аксиологией православной веры, с вечным беспокойством русской души, стремящейся найти выход из мучительного жизненного пространства в благодатном направлении. Так, странник, являясь глубоко национальным, «вечным образом русской жизни» (Ю. Степанов), в творчестве Н. Лескова открывает подлинный лик свободы, свидетельствуя об огромном напряжении духа.

Воплощение мотива странствий невозможно без обращения к его варианту - мотиву поисков истины. Таковы герои Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Правдоискатели, они ищут ответы на вечные вопросы русского бытия: что такое счастье и в чем правда жизни.

«Человек странствующий» весьма актуален для литературы эпохи модернизма. Доминирующим в творческом сознании поэтов и прозаиков «серебряного века» оказался образ поэта-путника, свидетельствующий о духовно-этической эволюции художника, в процессе которой приобретает в том числе религиозно-мистический опыт.

Странник, «человек странствующий», «поэт-путник» - знаковые атрибуты в характеристике типов лирических героев и их создателей в творчестве таких поэтов, как В. Брюсов («Путник»), О. Мандельштам («Камень»), В. Хлебников («Хаджи-Тархан») и многих других художников «серебряного века». Жизненные путешествия, странствия, а порою, скитания самих поэтов на переломе времен, в «эпоху бездомности», определили и вектор «поэтических странствий». В связи с этим особенно интересен творческий путь Н.С. Гумилева, в центре которого – странствия его лирического героя. Мотив странствий у Мандельштама, тяга к дороге – это стремление к преодолению времени, которое связывается с ожиданием испытаний. Поэзия помогает поэту преодолеть пугающую разорванность бытия, разобщенность человечества. Понимание странствия как изгойства характерно для творчества Велимира Хлебникова, мечтавшего о великом единстве мира, о слиянии традиций и культур. Мотив странствий очень актуален в поэтическом наследии М. Волошина. Человек у Волошина – странник, «по земле, по звездам, по вселенным», но, в этом поэт абсолютно уверен, «нет ни одной дороги для всех ... каждый свою тропу ищет и находит ...».

Исследование инвариантного мотива странствий в широком историко-культурном контексте позволило, с одной стороны, синтезировать предшествующий опыт обращения к этому феномену во всей гамме сопутствующих смыслов и значений, а с другой – прояснить пришвинский опыт преломления авторского «прочтения» судьбы «человека странствующего» с учетом своеобразия историко-культурных констант национального бытия.

Вторая глава – «Странствия в дневниковом и художественном дискурсе М. Пришвина» - посвящена своеобразию воплощения указанного мотива в дневниковых книгах и дореволюционных произведениях писателя.

В первом параграфе – «Мотив странствия в дневниковых книгах М.Пришвина» - подчеркивается значение дневниковой рефлексии в формировании художественной стратегии писателя.

Дневники были не просто творческой лабораторией Пришвина. Он жил своими дневниками, это было его второе, отраженное в слове существование, способ осмыслить мир и свое место в мире, способ понять исторический и культурный путь России. Дневниковые книги стали для писателя средством выражения его творческой, духовной жизни. Настоящий путь человека, утверждал художник, это путь к Свету, терпению, добру и радости.

Истоки писательского таланта Пришвина находит в своих бесконечных путешествиях, так как именно «виденное» и возможность «держать свою мысль под контролем виденного» давало особую оптику, особую точку зрения, тот художнический фокус, благодаря которому приходит умение «постигать сердцем» и держать свою мысль «под контролем виденного». Простая цель – «пропутешествовать куда-нибудь и просто описать увиденное» - позволило создавать настоящие шедевры.

Во втором параграфе – «Путешествие – странствие в повести «Черный араб» - мотив странствий позиционируется как способ поисков исчезающих идеалов жизни.

«Черный Араб» относится к тому типу произведений, которые написаны по материалам дневника. Горизонты «другого неба» открываются Пришвину в путешествии по Киргизии. Автор стремится понять Киргизию, чтобы приблизиться к феномену России, чтобы найти отличия и сходство двух, на первый взгляд, таких разных миров. Путь Черного Араба начинается от периферии к центру степного пространства, к центру условному, но не менее значимому: к «земле обетованной», туда, где лежит «кремень земли», где слышится дыхание вечности. Такое странствие есть возвращение к истокам, к библейскому дискурсу. Мотив странствий связан в этой повести с мотивом поисков сакральных мест, в частности, сказочной страны. Основным способом материализации указанных мотивов является обращение к этнографическим деталям. Живая степь и ее обитатели обрисованы реалистически-выпукло. Чаще всего автор сосредотачивает свое внимание на выразительных деталях внешнего облика, одежды, интерьера жилища, природных стихий, окружающего пейзажа. Ему интересно все, что касается традиций и обрядов степняков.

Поэтика «Черного Араба» основана на контрастности описания. Контрастны голубое небо и желтая степь, контрастна жестокость киргизов и их добродушие, контрастируют природные стихии, отвечающие человеку в степи своим вниманием. Странствия Черного Араба – это стремление найти глубину «времени ОНО», правремени, стремление увидеть мир в единстве прошлого и настоящего, в одном и том же космическом ритме.

Третий параграф – «Хронотон пути в очерке «За волшебным колобком» - обращен к структурно-семантическим константам временно-пространственной основы произведения.

Главной семантической и структурообразующей доминантой «Колобка» является концепт «странствие». Перед нами – двойное путешествие-странствие: странствует герой-повествователь, очень близкий физическому автору, странствуют герои очерка, которые постоянно находятся в поле внимания автора. Их пути-дороги совпадают или расходятся, рисуя причудливую изломанную траекторию.

Следует отметить, что сами названия глав в очерке обнаруживают отчетливую хронологическую семантику: «Лес», «Красные горы», «Море», «Полночь», «Из записок на Северной Двине», «По морю на лодке к святым островам», «Солнечные ночи», «Река Нива и озеро Имандра», «Солнечные ночи в Хибинских горах», «Белая ночь» и т.д.

Структура пространства в «Колобке» традиционно обнаруживает горизонтальную и вертикальную характеристики, которые имеют архетипические точки схождения. Небо и земля формируют здесь вертикальный вектор. Небо – это высшая трансцендентная реальность, организующая пространство мечты. Земля и вода, формируя горизонтальную плоскость, властвуют над людьми. Вода на Севере в функциональном плане близка земле, она питает землю и кормит поморов. Берег Белого моря является той точкой, где во время «нездешних грез» «светлой ночью» сходятся, как показывает Пришвин, бытие и инобытие.

В очерке «За волшебным колобком» актуализированы архетипические пространственные символы: берег, гора, крест, камень, круг и т.д. Многие из них приобретают сакральную семантику. Так, архетип горы, на вершину которой стремится подняться герой-повествователь, является своеобразным аналогом мирового древа, что позволяет провести параллель гора – Вселенная. В пространственном отношении – это единство небесной, земной и подземной реальностей, а во временном – это синкретизм прошлого, настоящего и будущего. Традиционный в мифопоэтике пространственный символ здесь семантически переопределен, так как приобретает и темпоральную семантику. В «Золотой книге бытия», которую читают странники, есть и сказочный камень, отмечающий время, и берег, где можно «грезить о нездешнем мире», и крест, полисимволический знак – своеобразный центр окружающего мира.

В «Колобке» актуализировано движение по кругу, о чем свидетельствует семантическая структура ключевого слова, вынесенного в название – «Колобок», главной семой которого является значение «круглый». Если обратить внимание на траекторию передвижения героя-повествователя, то можно обнаружить удивительную вещь: герой, начав свое путешествие из Архангельска через Соловецкие острова, мимо Карелии, Лапландии, на Олений остров, по Гольцовой реке обратно к Имандре, а потом в Архангельск совершает некое подобие круга. Вернувшись в Архангельск, он снова отправляется в путь теперь уже другим маршрутом (Канин Нос – остров Сосновец – Мурман – Норвегия – Александровск – Варбэ – Нордкап – Нордкин – Гаммерфест – Трамсе – Лофоденские острова – Трондгейм – Стокгольм – Архангельск), таким образом, тоже совершая круг уже

другого масштаба, большего по своему диаметру. Два круга, маленький и большой, дополняют друг друга. Географическое перемещение по кругу есть отражение духовного, ментального движения писателя и его героя-повествователя – «возвращение к себе».

Основным принципом построения текста в очерке «За волшебным колобком» является принцип семантической амбивалентности хронотопа, его контрастности. С одной стороны, есть точное указание на время и пространство, с другой – это реальное измерение переопределяется и трансформируется в мифологически-сказочный хронотоп.

В четвертом параграфе – «Человек странствующий в очерке «За волшебным колобком» – анализируется образная типология, акцентирующая прежде всего религиозно-аксиологическое измерение. В связи с этим особое значение получает анализ архетипов национального сознания, которые живут в душе поморов, полесников, в тех мужиках, которые постоянно рискуют собой в борьбе за свое жизненное пространство, в тех странниках, которые отправляются «по обещанию» на Соловецкие острова.

Пришвин доказывает, что русский человек – «трагически свободен», он чувствует «неизбывную тоску странничества», на что неоднократно указывали русские философы (Н.Бердяев, С.Булгаков, Ф.Степун, А.Панарин и др.). Русский человек всегда в пути, в поисках таких локусов, где отражаются «небесные прообразы», являя собой особую реальность. Пришвинские странники – это люди во многом традиционно-архаического мышления, которые тесно связаны с космическими ритмами, они космоцентричны в отличие от героя-повествователя, обращенного к сиюминутному историческому времени. В очерке предстают два противоположных типа сознания: народный, связанный с вечными ценностями национального характера, и рационально-позитивистский, свойственный герою-интеллигенту. Сталкиваются две полярные картины мира: наивная и рассудочно-рациональная, все подвергающая сомнению.

Одним из наиболее ярких персонажей в художественном пространстве «Колобка» является помор Михайло, который всю жизнь по обещанию перевозит странников к Соловецким островам. Михайло, типичный представитель народа, – это образ, близкий к странствующим героям Лескова, героям-скитальцам, который соединяет в себе лучшие черты национального характера: бесстрашие, физическую и духовную силу, ответственность, железную волю, глубокую порядочность и – что самое главное – абсолютную веру в Бога.

В пришвинской наррации тип странника неразрывно связан с природой. Только там, где еще не стерты границы между человеком и природой, где еще сохранились элементы первобытного синкретизма, может появиться такой удивительный русский характер. Поэтому нет ничего странного в том, что писатель отправляется на Крайний Север, туда, где природа полна таинственного света, скромного обаяния, столь непохожего на южное яркое пространство.

По русским дорогам в художественном мире М.Пришвина идут духовные странники. Пришвинские герои пути пытаются раскрыть в себе возможности, заложенные в них природой. В очерке «За волшебным колбком» это коллективный герой – группа персонажей, связанных с идеей народного мира, народной души. Его странники из нетронутых цивилизацией уголков русского Севера поражают писателя «остатками чистой, не испорченной рабством народной души».

В главе третьей – «Семантика и способы реализации мотива странствий в романе «Кашеева цепь» - рассматривается функционально-семантическая специфика анализируемого мотива и средств его реализации в автобиографическом дискурсе писателя.

В первом параграфе – «Духовная «одиссея» автобиографического героя» - рассматривается путь автобиографического героя в познании себя и окружающего мира, основанный на духовном и интеллектуальном созревании. Алпатов «ставит свою лодочку на волну великого движения», и движется прежде всего в своем внутреннем пространстве. Главное содержание романа – это странствия автобиографического героя в поисках смысла жизни: он пытается его найти в работе (политической, агрономической), в любви, в природе. Главное же здесь – духовное и интеллектуальное взросление Алпатова в реально-исторической обстановке конца XIX века.

Пришвин не просто прослеживает жизненный путь главного героя, но и изучает, анализирует его ментальное возмужание в пространстве нарастающих кругов сознания.

Финал романа символичен. Кашеева цепь социальной необходимости теряет свою власть, и Алпатов ищет спасение в родных звуках и запахах природного мира.

Во втором параграфе – «Мотив пути в «Кашеевой цепи»: композиционно-структурное своеобразие» – обращается внимание на глубинную связь мотива странствий с генетически родственным мотивом пути, актуализирующим концепты «тайна», «свобода», «вечная женственность» и др.

Манифестация мотива пути в автобиографическом дискурсе отражается в композиционной структуре произведения, где пространство жизни автора и пространство текста настолько тесно проникают друг в друга, что образуют единое «экзотическое пространство» (В.Топоров). Название романа – это семантическая перспекция. Кашеева цепь является символом замкнутости, несвободы, зла, сковавшего весь мир. Цель писателя и его героя – разорвать эту цепь и освободить людей от Кашеевых оков. Это находит отражение в композиционной цепочке событий. Каждое звено этой цепи семантически и композиционно представляет круг, который надо разомкнуть, чтобы продвигаться дальше в художественном пространстве романа, присоединяясь к другим звеньям. Таким образом, создается некая структурная спираль, содержащая в себе интенции авторского замысла, где живет «тайна голубых бобров», где «все голубое». Каждое звено представляет собой путь к тайне, разгадка которой таит в себе возможность разомкнуть очередное звено.

Более того, нам представляется, что композиция произведения в целом тоже кольцевая. Одним из доказательств поступательного развития в событийной канве автобиографического героя по особому, незамкнутому кругу является, на первый взгляд, случайный образ зайчишки, с которого начинается и, по существу, заканчивается рассказ о странствиях Алпатова. Устав от любовной неудачи, герой-повествователь возвращается домой. Но это уже другой дом, где можно обрести душевное равновесие. Это дом, в котором царит гармония. Алпатов получает внутреннюю свободу, к нему возвращается радость бытия.

В третьем параграфе – «Типология странников в автобиографическом дискурсе М.Пришвина» – рассматривается типология странствующих героев, которая находит своё выражение в сюжетно-событийной канве произведения.

Пришвинские герои постоянно находятся на раздорожье, перед выбором пути. В связи с этим можно выявить следующую типологию пришвинских странников: реальные путешественники, странники-переселенцы, «будто-странники», интеллектуальные странники и т.д.

Физическое странствие реализуется за счет освоения реального вертикально и горизонтально ориентированного пространства, в процессе которого происходит духовное и интеллектуальное созревание героя.

Алпатов является, и, может быть, это главная ипостась автобиографического героя – интеллектуальным странником, который настойчиво ищет «свою собственную мысль». Странствия автобиографического героя Алпатова способствуют расширению его сознания. Шагая по родным тропинкам, по тротуарам и площадям Германии, ожидая невесту в Люксембургском саду, в сердце Парижа, страдая в холодном Петербурге, он будет пристально изучать жизнь, непрерывно и напряженно размышляя над смыслом исчезающих мгновений. Это не просто реальное странствие, это путешествие вслед за полетом собственной мысли, это постоянное и непрерывное интеллектуальное развитие.

В четвертом параграфе – «Поэтика воплощения мотива странствий в «Кащеевой цепи» – рассматривается всё многообразие способов художественной реализации рассматриваемого мотива: особенности цветописа, специфика символики, в том числе архетипической, обращенной к мифогенным кодам, хромотопическое своеобразие и т.д. Средства реализации движения героев в художественном пространстве подчиняются основному принципу креативной стратегии художника – принципу контраста.

Одной из специфических черт стиля М.Пришвина является пристальное внимание к цветописа, весьма значимой в стилистической системе прозаических произведений писателя. Ключевые этапы в формировании автобиографического героя в романе «Кащеева цепь» сопровождаются обостренным вниманием к выбору цветообозначений.

Сквозные образы-символы в пришвинском дискурсе создают смысловую многоплановость текста. К одним из наиболее актуальных в автор-

ской мифопоэтике образов-архетипов относится образ птицы, как одного из звеньев в цепи органического мира. Без птиц невозможно представить природный мир Пришвина. Птица – один из самых древних символов в мифологии. У Пришвина птица – это некий медиатор, соотносимый с судьбой автобиографического героя. Птицы сопровождают Алпатова во всех сложных жизненных обстоятельствах.

Птицы олицетворяют пространство мечты, которое невозможно отнести к конкретным локальным и временным характеристикам, но в то же время оно всегда «вовремя» вписывается в общую хронологическую модель произведения.

М.Пришвин любил погружать героев в ситуацию пограничного состояния, каковым является состояние сна, характеризующееся изменением сознания. Характерной чертой некоторых снов в романе является повторяемость, что говорит об их судьбоносном значении. Таким является, например, сон о волшебном дереве с золотыми листьями, который видится впервые Алпатову в тот момент, когда он решает отправиться в «страну без имени, без территории». В пришвинской наррации сон часто переходит в действительность и продолжается уже в реальных пространственных и временных координатах. Пришвин, обращаясь к феномену сновидения, как к какой-то целостной системе, выделяет особый тип сна, называя его «ступенчатым». Вера в чудеса оживает. А чудо для героя-повествователя неразрывно связано со спасением мира. Чудо – это главное «оружие» против Кащеевой цепи, без которого освобождение людей от оков зла невозможно.

Так на уровне сновидческого хронотопа проявляется одна из важнейших в художественном дискурсе Пришвина бинарная оппозиция пространства действительного и иллюзорного, мира «обыкновенного» и музыкального. Но писатель убеждает нас в том, что по-настоящему реален именно тот локус, где живет «великая радость».

В Заключении подводятся итоги проделанной работы и формулируются основные выводы.

Мотив странствий, обладающий вариативностью, устойчивостью, воспроизводимостью, семантической многомерностью, «ассоциативной связанностью», выступает в пришвинском дискурсе как системно-сюжетообразующий, так как представлен на всех уровнях художественной структуры: образном, композиционном, фабульном, символическом. В тексте он приобретает различные варианты: скитальчество, бродяжничество, паломничество, странствие «по обещанию», изгнанничество и др. Главный принцип пришвинской поэтики, определяющий своеобразие данного мотива, – контрастность. Полярность пришвинского мирообраза уточняется его философско-этическими, аксиологическими представлениями. Способы манифестации исследуемого мотива различны. В первую очередь – это символическая структура генетически родственного хронотопа пути, совмещающая реально-историческое время и мифогенную глубину пространства. Необходимо отметить актуализацию «вечных» архети-

пов, обращенных к философско-концептуальным основам в творчестве писателя. Семантическому усложнению инварианта способствует цветное решение повествовательных фрагментов, которые отличаются символическим своеобразием. Смысловое поле произведения расширяется вследствие обращения писателя к мифологическим образам, координатам и символам сновидческого хронотопа. Главное заключается в том, что феномен странствия в прозе Пришвина позволяет еще глубже постичь внутренний мир героев, его аксиологическое и духовное измерение.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Лишова, Н.И. «Религиозные поиски народа и интеллигенции в очерке М.М. Пришвина «За волшебным колобком» [Текст] / Н.И. Лишова // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 48. – Челябинск: ЧелГУ, 2010. – С. 71-74.
2. Лишова, Н.И. «Мотив пути в романе М.Пришвина «Жащева цепь»: композиционно-структурное своеобразие» [Текст] / Н.И. Лишова // Филологос.- Вып. 8. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 48-54.
3. Кузина (Лишова), Н.И. «Пишу, как живу, и живу, как пишу» [Текст] / Н.И. Лишова // Михаил Пришвин: диалоги с эпохой: материалы Всероссийской научной конференции. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – С. 76-80.
4. Лишова, Н.И. «Мотив пути в творчестве М.М. Пришвина (на материале рассказов «Жень-шень» и «Черный араб» и очерка «За волшебным колобком»)» [Текст] / Н.И. Лишова // Миф – фольклор – литература: материалы международной научной заочной конференции. – Караганда: Центр гуманитарных исследований, 2009. – С. 215-220.
5. Лишова, Н.И. «... на Восток повернут» (Восток в творчестве И.А. Бунина и М.М. Пришвина)» [Текст] / Н.И. Лишова // И.А. Бунин и русский мир: материалы Всероссийской научной конференции. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 133-138.
6. Лишова, Н.И. «Россия и Норвегия: диалог природы и цивилизации в художественном пространстве очерка М.Пришвина «За волшебным колобком» [Текст] / Н.И. Лишова // Жизнь традиции в диалоге времен: материалы научно-практической конференции. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – С. 141-145.
7. Лишова, Н.И. «Категория времени в дневниковых записях М.М. Пришвина» [Текст] / Н.И. Лишова // Елецкий креатив: жизнь и судьба учащихся и учителей Елецкой мужской гимназии: сборник материалов по итогам научно-практической конференции. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – С. 151-155.
8. Лишова, Н.И. «Русские странники в художественной литературе (на материале повести «Очарованный странник» Н.С. Лескова и очерка «За волшебным колобком» М.М. Пришвина)» [Текст] / Н.И. Лишова // Система ценностей современного общества: сборник материалов XIII Международ-

ной научно-практической конференции. – Новосибирск: ЦРНС, 2010. – С. 35-40.

9. Лишова, Н.И. «Духовная одиссея в «Мирозерцании» главного героя романа М.Пришвина «Кашеева цепь» [Текст] / Н.И. Лишова // Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия: материалы IX Всероссийских Славянских Чтений. – Орел: Орловский государственный институт искусства и культуры, 2011. – С. 141-145.

10. Лишова, Н.И. «Птичий код в реализации мотива пути (на материале романа М.Пришвина «Кашеева цепь»)» [Текст] / Н.И. Лишова // Роль историко-культурного наследия в развитии гуманитарных исследований в регионе: сборник материалов областной научно-практической конференции. – Липецк: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 187-192.

11. Лишова, Н.И. «Категория пространства в дневниковых записях М.М. Пришвина» [Текст] / Н.И. Лишова // Наука. Развитие. Прогресс: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Киев: «Миранда», 2011. – С. 61-65.

12. Лишова, Н.И. «Сновидческий хронотоп в романе М.Пришвина «Кашеева цепь» [Текст] / Н.И. Лишова // Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных наук: сборник материалов областного профильного семинара. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 65-71.

Работы под № 1, 2 опубликованы в изданиях, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии.

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Усл.-печ.л. 1,0 Уч.-изд.л. 1,2
Тираж 100 экз. Заказ 32

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

Из фондов Российской национальной библиотеки

Из фондов Российской национальной библиотеки

2012A
11274 92-11274

Из фондов Российской национальной библиотеки